

Д. В. СИЧИНАВА

«УВЫ, ДЛЯ НИХ ЭТО ВСЁ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ»: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ТЕРМИН КАК ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ

Грамматический термин *плюсквамперфект* (< лат. plus quam perfectum; букв. «более, чем совершенное [действие]») в XX веке получил необычно широкое распространение в метафорическом употреблении, в том числе как публицистически-философский и художественный образ (в контекстах типа *это уже плюсквамперфект, перенестись в плюсквамперфект, очарование плюсквамперфекта*). И само это событие, и то содержание, которым термин наполнился в нефилологическом контексте, нельзя назвать вполне ожидаемыми. В свете информации, известной благодаря типологическому изучению плюсквамперфекта в языках мира, употребление данного термина в ненаучном контексте представляет особый интерес.

Основными источниками примеров из публицистики, эссеистики и художественной литературы послужили Национальный корпус русского языка, материалы Google Books и тексты различных «толстых» журналов 1990—2010-х гг., электронные версии которых включены в «Журнальный зал» на сайте russ.ru. Подчеркивание в примерах наше.

1. От «школьного» термина к философским обобщениям

1.1. «Ведь мы когда-то проходили в школе плюсквамперфектум»: символ изучения языков

Изначально в русском языковом контексте термин *плюсквамперфект* был применен к достаточно узкой сфере, а именно, к грамматике классических языков (латыни и древнегреческого), первоначально, как и другие грамматические термины, без русификации окончания (латиницей *plusquamperfectum*, — слитно или, гораздо реже, раздельно в три слова, — или кириллицей *плюсквамперфектум*¹). После попыток калькирования этого термина (например, *минувшее пресвершенное* у Дмитрия Герасимова в пе-

¹ А. П. Евгеньева ещё в 1951 году, говоря о (древне)русском материале, пишет *plusquamperfectum* латиницей (с немецким исходом, хотя со строчной буквы) и прибавляет русские окончания косвенных падежей через апостроф [Евгеньева 1951].

реводе Доната в XVI в.) с конца XVIII—начала XIX века в русском языке укореняется его прямая адаптация. Сфера изучения древних языков после 1917 г. резко сократилась, и соответствующая латинская терминология, постоянно мелькавшая в гимназическом или ином контексте в русской литературе предреволюционных десятилетий², отступила на далёкую узко специализированную периферию лексики (ср., особенно, симптоматичные пояснения современных комментаторов к текстам носителей дореволюционной культуры, см. пример 16 и далее). Специалисты-филологи/лингвисты с XIX века постоянно применяли в русских текстах термин *plusquamperfectum* / *плюсквамперфект* (ум) и к другим древним и новым языкам мира, однако это употребление изначально оставалось достоянием только узкой профессиональной среды. Исключительно прямое «научное» значение, не привязанное к какому-либо конкретному языку, и только вариант *плюсквамперфект*, без -ум, фиксируется обоими Большими академическими словарями, соответствующие тома которых вышли в 1959 и 2011 гг. Статьи в них совпадают дословно и не содержат примеров:

«**Плюсквамперфэ́кт**, а, м. Одна из форм прошедшего времени, обозначающего [sic]³ действие, осуществившееся раньше другого прошедшего действия» [БАС 1959, 9: 1470; БАРС 2011, 17: 119—120].

Что касается распространённых в российском, в том числе советской эпохи, школьном преподавании живых языков, то это слово может ассоциироваться с немецкой формой Plusquamperfekt. Ср. употребление в художественной литературе этого слова в прямом «школьном» значении, хотя и с ошибкой (герой пытается сдать «гнусный зачёт» по языку, которого не знает) в выборе вспомогательного глагола (надо *war gegangen*):

- (1) — Майн гот! Это же совсем просто. Хатте геганген. Плюсквамперфект от «геен». Коротко и ясно, думаю (С. Довлатов. Филиал (Записки вудушего). 1988).

В латинизированной форме (раньше принятой также и в преподавании немецкого) слово *плюсквамперфектум* неоднократно употребляется в ка-

² Приведём примерно треть густо насыщенного этой терминологией типичного описания экзамена из произведения второстепенного прозаика (кстати, с семинарской латинской фамилией) М. Н. Альбова: *V extemporale было пять ошибок... Это «плевать»! За extemporale он получил тройку,.. Подгадил устный ответ! Он хорошо проспиргал plusquamperfectum conjunctivi от глагола «facio» в страдательном залоге (a verbo: fio, factus sum, fieri). Он перечислил, почти без ошибки, все имена существительные 3-го склонения, оканчивающиеся на is, по исключению мужского рода: Много есть имен на is masculini generis...{...}* (М. Н. Альбов. На точке. 1888).

³ В академическом Словаре украинского языка толкование слова *плюсквамперфект* в основном переведено с русского (обычная практика советской восточнославянской лексикографии), но согласование при этом исправлено на более естественное: «Одна з форм минулого часу, яка означає дію, що відбувалася або відбулася раніше від іншої минулої дії» [СУМ 1975, VI: 600].

честве символа немецкого языка как такового (тема актуализировалась в связи с войной, ср. (2)—(3)):

- (2) Он, видно, ранен — морщится от боли. / Лицом к лицу поговорим давай. / Ведь мы когда-то проходили в школе / Плюсquamперфектум и футурум цвай (Е. Долматовский. 1946).
- (3) В уши его, сверля мозг, вошла чужая, страшная речь; он хотел узнать, о чем они говорят, и напряг память, но она подсказала ему всего лишь два слова: «дертыш» (= *der Tisch* ‘стол’ — Д. С.) и «плюсquamперфектум» («Наш современник». 1965).
- (4) Его, видите ли, тошнило при одном слове «плюсquamперфектум». И вступительный экзамен по немецкому он не сдавал («Урал», № 7. 1987)⁴.

Изучающие английский или французский язык закономерно называют соответствующие формы этих языков в русской речи терминами их грамматики (*Past perfect* и *plus-que-parfait*) и, как правило, не осознают их как «плюсquamперфект»⁵. Ср. гораздо более знаменитый литературный пример, где неуверенность персонажа в семантике объясняемых им глагольных форм тоже вызывает комический эффект:

⁴ Ср. аналогичные символические контексты с английским грамматическим временем: *И таинство лондонских туманов роднится с таинством английской речи: паст перфект ин зе фьюче, перфект ин зе паст* [(А. Битов. Записки из-за угла. 1964); отметим фантастичность или, по крайней мере, нетрадиционность обоих «терминов»], *Английский Потапову давался так легко, как никому из их класса, а Марусе в самых кошмарных снах до сих пор снились эти проклятые времена «паст перфект» и «герундий»* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости. 2003), *Она преподавала английский в частном детском саду, бегала по урокам, натаскивая подростков на паст перфект и неправильные глаголы* (М. Трауб. Мотив для свадьбы // Известия, 2007.08.05). Любопытно, что во всех этих «школьных» контекстах используется кириллица, в то время как в «метафорических» контекстах название английского времени пишется латиницей (см. раздел 1.3, конец).

⁵ Люди, изучающие несколько языков, при известной метаязыковой рефлексии могут всё же соотносить аналогичные термины в разных грамматических традициях и/или вникать в их внутреннюю форму, ср. примечательный диалог из «Живого журнала» (февраль 2003 г., воспроизводим вместе с игровой орфографией и «смайликами»): *Это passato remoto, “отдалённое прошедшее время”, которое в повседневной речи используется очень редко, зато в операх навалом. “Вы даровали смерть”. — Какой прекрасный термин. %) “Отдаленное”! — Меня учили его называть “давнепрошедшее” ;)) Вот так, в одно слово. Но вообще это наше родное passe simple. — А я еще люблю plus-que-parfait.)) “Более, чем безукоризненно”, lol [laughing out loud — «смеюсь громко/вслух», популярное сокращение в Интернете — Д. С.]. — Да, мой [sic!] любимое название было, пока я не осознал, что это же то мерзкое слово “плюсquamперфект”, только на игривый французский лад. Латынь окончательно очарование развеяла :\ — А вот не надо докапываться до корней и истоков патамушта.))*

- (5) Если вы не совсем еще пришли, то импарфе, а если уже, значит, окончательно, со всеми вещами, то плюскепарфе (Тэффи. Репетитор. 1912).

1.2. Масштабы метафорического осмысления

Казалось бы, данное слово не должно было относиться к числу сравнительно широко известных или тем более способных к нетерминологическому осмыслению: оно должно было ограничиться весьма специфическим «школьным» употреблением (после того, как в очередной раз «вышла из моды» латынь — в основном у изучающих немецкий) и еще более специфическим — «научным» (в специальных работах, описывающих грамматику древних и новых языков мира). И тем не менее, как мы уже сказали, слово «плюсквамперфект» начинает употребляться в большом числе художественных произведений, эссе и публицистических сочинений XX—XXI вв., переосмысляясь как философское понятие, не привязанное к лингвистическому объекту вообще (и тем более конкретно к латинскому или немецкому языку). Оно проникает в этом качестве как в рассчитанную на филологически искушенную аудиторию поэзию начала XXI века (цитируемые ниже стихотворения И. Кабыш (38), Т. Нещумовой и Е. Катишон, причём последняя использовала «Plusquamperfectum» как заглавие; кроме того, поэт Алексей Бердников озаглавил свой итоговый стихотворный сборник «Блеск и нищета плюсквамперфекта»), так и в ориентированный на гораздо более массового читателя детектив (36, 52—53). Уже в 1989 г. переносное значение слова *плюсквамперфектум* заметила лингвистика (хотя, как видим, оно и не попало, даже в 2011 г., в академические лексиконы): это слово в ряду с другими научными терминами, развивающими метафорические значения (*гравитация*, *мезозой* и др.) приводится в работе [Харченко 1989: 23]. Назовём этот третий круг значений (в отличие от «школьного» и «научного») «**метафорическим**» употреблением.

Часто метафорическое употребление сопровождается более или менее подробным авторским комментарием, вплоть до того, что слову *плюсквамперфект(ум)* так или иначе посвящается весь текст. В 1968 году Пётр Жаткин озаглавливает свой мемуарный очерк о Всеволоде Иванове «Плюсквамперфектум» (опубликован в журнале «Волга» и через два года переиздан в сборнике «Всеволод Иванов — писатель и человек», М., 1970). Тридцать лет спустя, в 1999 году, появляется эссе Ильи Фаликова («Арион», 1999, № 1), в центре которого также вынесенное в заглавие слово «Плюсквамперфектум» (и в нём также есть некрологическая нота — оно посвящено памяти поэта и переводчика Андрея Сергеева). В обоих случаях (по-видимому, независимо) отправной точкой для рассуждений авторов служат определения плюсквамперфект(ум)а из анонимных «учебников латинского языка», после чего как Жаткин, так и Фаликов излагают собственные ассоциации, связанные с этим понятием. Добавим сюда насыщенный

ное собственно лингвистической проблематикой эссе И. Померанцева «Был помнивши» (подробнее см. (33)). Помимо этих случаев, а также упомянутых сборника Бердникова и стихотворения Катишонок, «Плюсквамперфект» как заглавие текста использовал также прозаик Юрий Малецкий, назвавший так все главы своего произведения «Проза поэта», где действие происходит в ирреальном мире (см. пример (59)). В более ранней литературе одиноким (и, по-видимому, не вызвавшим прямого подражания) предшественником такого выбора заглавий был только Сергей Заяицкий с тремя «грамматическими» подзаголовками своего романа «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» (1928), среди которых есть и «Plusquamperfectum»; см. подробнее в конце раздела 3.1.

Ничего подобного по масштабу не происходит с другими латинскими грамматическими терминами классической традиции — допустим, *аблатив*, *конъюнктив* или хотя бы ближайшими «родственниками» нашего термина *перфект* и *имперфект*⁶. «Семинарская» этимология *ерунда* < *gerundium/герундий*, несмотря на её популярность (она принята в словаре Фасмера), подвергалась критике [Черных 1993: I, 286—287], но если она и верна, то грамматическое содержание латинского термина никак в русском слове не отразилось. Любопытно, что из классического терминологического наследия определённую самостоятельную метафорическую жизнь обрёл сам греческий термин *метафора*, связанный не только с лингвистикой как таковой, но и с теорией литературы; речь идёт о контекстах типа *Рай* — *это не метафора*, ср. недавнее корпусное исследование [Кураш 2012]. Более привычная славянизированная терминология тоже с трудом поддаётся такому осмыслению. Отметим фразеологизмы типа *история не терпит сослагательного наклонения*, а также окказиональные авторские употребления, например, название книги Г. Брускина «Прошедшее время несовершенного вида» (между прочим, это образ с содержанием, близким стандартной «метафорике плюсквамперфекта»).

1.3. «Плюс ко мне что?»: внешняя форма

По-видимому, в описанной выше метафорической популярности сыграли определённую роль внешние характеристики латинского термина, длинного и с необычными сочетаниями согласных, его яркая «учёная» ок-

⁶ Возможно, в дореволюционный период с тем же значением, что *плюсквамперфект*, мог окказионально метафоризоваться (тоже в латинском виде) и термин *имперфект*, ср.: *Хороша литература, у которой изъяты все части речи, междометия и повелительные наклонения и которую оставили при одном imperfectum'e, — при «милых, ушедших, невозвратных годах»* (К. И. Чуковский. О Сологубе. 1907). Ср. также ниже примеры метафорического употребления термина *плюсквамперфект* или его аналогов в одном ряду с названиями других иностранных грамматических форм — у А. И. Герцена, К. С. Аксакова, В. В. Розанова, С. С. Заяицкого, И. С. Шкловского. Однако чем дальше, тем сильнее «конкуренты» плюсквамперфекта «сходят с дистанции».

раска (ср. ниже в примере (41) *академический плюсквамперфект* в значении ‘предмет только академического интереса’). Любопытно, что в тех случаях, когда комментируется фонетический облик этого слова, окраска ему придаётся негативная: «тошнило при одном слове» (пример 4), «мерзкое слово» (сноска 5), «смешное квакание» (см. в следующем абзаце цитату из А. Гаврилова). С этой точки зрения очень важно, что метафорический флёр и контекст языковой игры вплоть до постсоветского периода сопутствовали, как кажется, исключительно варианту *плюсквамперфектум* с его окончанием *-ум*, укоренённым в русской культуре (и нередко высмеиваемым) маркером учёного латинизма, с неустоявшимися родом и типом склонения, в то время как более прозаический и лучше морфологически освоенный *плюсквамперфект* долго использовался только как собственно научный термин (см. ниже, 3.2).

Нередки случаи чисто формальной языковой игры с данным термином, при которой осмысление его содержания является факультативным. В 1962 г. в журнале «Иностранная литература» впервые появляется перевод романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей», где образованный герой-«дауншифтер» в шутку обращается к жене: *Нет, мой плюсквамперфектум*. Переводчицы Н. Волжина и Е. Калашникова не без остроумия (хотя с семантической точки зрения, вероятно, и неудачно: «мой плюсквамперфектум» применительно к лицу противоположного пола получает совершенно определённые коннотации, ср. (7)) подставили слово *плюсквамперфектум* на место другого латинского грамматического термина, который употреблен у Стейнбека в оригинале, но без немецкой «поддержки» в советское время был уже полностью забыт нефилологами: *No, my ablative absolute* [The winter of our discontent (1961)]. Созвучие среднего отрезка *-квям-*, лишённого для носителя русского языка внутренней формы (ср. *плюс*, *перфекционизм*), с русскими словами (*к вам*, оноματοпоэтическое междометие *ква*) дополнительно провоцирует языковую игру, в том числе абсурдистскую: *Смешное квакание — перфект плюс к вам. То есть — вот он ты, а к тебе (то есть к вам) еще перфект — совершенное совершенство. Если перевести в первое лицо, выйдет: я и мои свершения. Я и мной созданные обстоятельства* (А. Гаврилов, рец.: Юрий Малецкий. Проза поэта. Новый мир. 2000, № 1); ср. тот же каламбур: *Плюс-к-вам-перфект пришел, / и к вам, и к нам {...}* (начало стихотворения Татьяны Нешумовой, 2009) или: *ведая заране, что всё, / что происходит на экране, отнюдь не в настоящем, / а в плюсквамперфектум (хорошо бы к нам / слегка от вас перфектума прибавить, лениво думаешь)* (Е. Катишонок. «Plusquamperfectum». Сб. «Порядок слов». 2011)⁷. В этих случаях «питательным материалом»

⁷ Есть ещё пример этого русского каламбура в украинском тексте, причём очень ранний: *Так от, — сказав хіромант, дочекавшись, поки матрос дочитав повідчення до кінця, — як свідчить наука, парабола вашого життя виразно гіперболічна. І це є нонсенс. Імперфектум і плюсквамперфектум... — Плюс ко мне*

для развёртывания текста служит в основном формальная сторона слова, хотя и одновременное метафорическое обыгрывание его содержания не исключено. Ср. в метафорическом контексте любопытное усечение начального *плюс-* (то ли автор/герой осмысляет его как отдельное слово, то ли ему важно «выпятить» начальное комическое *квам-*): *Пропуская детство, юность, сразу перехожу из квамперфекта в сейчас* (Г. Щербакова. Эмиграция по-русску... // Огонек. № 9. 1991).

Интересен пример, где *плюсквамперфект* не только иронически сопоставляется с другим учёным «латинозвучащим» словом из совсем другой области, но ещё и «переводится» на русский язык именно в интересующем нас ключе (при помощи оссиановско-пушкинской цитаты):

- (6) — Рома, за кого ты нашего Вовика сватаешь? Она окрашена в обручальный цвет? Прошу подробности. — Даму зовут Александра, — сдержанно сообщил Роман. — Правда, Михеевна. — И смолк. — Что-то ты подозрительно немногословен, — заметил Иван. — Не со своего ли плеча?.. Инцест грядет? — Дама — коллега, — уклонился от вопроса Роман. — Коммерческий зам. Сикина. Генерального директора нашего КСП. — И продолжил: — Инцест отчасти есть. Плюсquamперфект. — Кого? — нахмурился Синяк. — Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой... — перевел Ваня (С. Каледин. Записки гробокопателя. 1987—1999).

Внешняя форма играет определённую роль при упоминаниях *плюсквамперфект(ум)а* в качестве знака школьного изучения языка (латыни или немецкого) как такового, хотя единственной причиной этого не является (ср. такие же «английские» контексты в сноске 4). Вероятно, символом изучения иностранных языков *плюсквамперфект* может становиться и из-за отсутствия чего-то подобного, в том числе согласования времён европейского типа, в русском языке, хотя недостаточно и этого (например, не менее сложные для русского английские или немецкие артикли в таких контекстах употребляются реже). И, конечно, одной фонетической окраски не хватило бы и для популярности слова в метафорических контекстах. Укажем опять-таки, что в русском тексте переосмысление время от времени затрагивает и аналоги латинского термина из других языков, например, того же английского: *До конца следующей недели здесь работает выставка фотографий Игоря Пальмина «Время Past Perfect» (то есть совсем прошедшее время)* (Н. Молок. Архив прошедшего времени. Выставки (2002) // Известия, 2002.03.21); *Астероид нового года полсутки назад врезался в Землю примерно на долготе Новой Зеландии, приливная волна один*

што? — *Плюсквамперфектум* (Ю. Смолич. Театр невидимого актёра. К., 1959). Помимо этих литературных примеров, автору неоднократно приходилось слышать в личном общении с разными людьми обыгрывание созвучий этого слова с *кв*а и/или *к* *вам*, вплоть до «антонима» *минус от вас перфект*.

за другим *накрывает часовые пояса, переводя Present Continuous в Past Perfect: обнуление, count zero interrupt* (А. Гаррос, А. Евдокимов. [Голово]ломка (2001); *Кто растёт вниз головой, зимой и летом одним цветом, светит да не греет, в огне не горит, в воде не тонет, не лаёт, не кусает, а в дом не пускает. Отгадка: past perfect* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана. 1997). Неоднократно употребляет этот излюбленный английский термин Андрей Битов, например: *он все еще не знал, ни что было, ни как стало, не ощутил никаких изменений, потому что и до и после существовал лишь в своем личном времени, да еще в глубоком past perfect* (А. Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного. 1997—1998) (ср. также другие битовские примеры: макароническое *паст-перфектум* в начале раздела 3.2 или сконструированное *паст перфект ин зе фьюче* в сноске 4). Кроме того, два из самых ранних хронологически переосмысления названия этой грамматической формы в русском тексте — у Пушкина (7) и Герцена (8) — связаны с французским термином *plus-que-parfait*.

В необычной «карьере» нашего термина важна сама семантическая идея, заложенная в нём, растущая из трактовки как «давнопрошедшего» и/или «предшествования в прошедшем». Прежде чем анализировать примеры из текстов, зададимся вопросом о том, что, собственно, в действительности значит плюсквамперфект в глагольных системах языков мира. В последние десятилетия ему посвящено немало типологических работ. Казалось бы, эти сведения не могут иметь отношения к ассоциативному ряду, которым обрастает книжный термин в русском языке под пером авторов-нелингвистов. И вместе с тем, как мы увидим, типологические данные играют важную роль в данном контексте.

2. Плюсквамперфект с типологической точки зрения

В лингвистической типологии плюсквамперфект — устойчиво отмечаемая в различных языках мира видо-временная граммема [Dahl 1985], обычно возникающая из сочетания перфекта с показателем прошедшего времени (или так называемого «ретроспективного сдвига»). В языках с «согласованием» и «последовательностью времён» западноевропейского типа эта форма передаёт таксисное значение «предшествования в прошедшем», однако типологически наиболее характерно для неё значение «неактуальное прошедшее» («сверхпрошлое»), означающее перенос ситуации в план, не связанный с моментом речи и эксплицитно «разорванный» с ним (см. [Plungian, Auwera 2006; Сичинава 2007] и др.).

В частности, речь может идти:

- об аннулированном результате (*это окно открывали*),
- прекращённой ситуации (*наша деревня была больше*),
- неактуальном «ностальгическом» опыте (*случалось мне покупать это по две копейки*),

- нереальной упущенной ситуации (*если б молодость знала, если б старость могла*)⁸
- ситуации вежливой просьбы (*я бы хотел попросить вас о помощи*) и т. п.

В (литературном) русском языке плюсквамперфект отсутствует по крайней мере с XVI века, когда формы с согласованным вспомогательным глаголом типа *пошелъ былъ* [Петрухин, Сичинава 2006] были вытеснены сочетанием с частицей типа *пошёл было*, сохранившим семантику аннулированного результата / аномального хода ситуации, см. подробнее [Вагентаген 1986; Сичинава 2009] и др. Хотя он сохраняется во многих русских говорах Севера (в диалектах появились и «новые» плюсквамперфектные формы типа *был приходиши*, ср. (33)), в украинском и белорусском языках, а также в большинстве других славянских языков, эти факты неизвестны среднему русскоязычному неспециалисту, не говоря уже о том факте, что соответствующие формы могут называться словом *плюсквамперфект*.

В этой связи оказывается очень интересным, что трактовки «плюсквамперфекта» в лингвистической и ненаучной литературе неожиданно перекликаются с типологическими данными о плюсквамперфекте и его прагматических функциях в языках мира. Эти данные заведомо не известны авторам публицистики и художественных текстов, представляющим себе плюсквамперфект (например, в латыни) как «давнопрошедшее» (классическая школьная традиция) или, гораздо реже, «предшествование в прошедшем» (трактовка, отразившаяся и в некоторых типологических работах XX века, например, [Reichenbach 1947]).

3. «Потерявшиеся в сумерках плюсквамперфекта»: неактуальный анахронизм

В нетерминологических употреблениях слова *плюсквамперфект(ум)* частотнее всего трактовка, связывающая его с «замкнутым временным интервалом» в прошедшем (*past temporal frame*, ср. [Dahl 1985; Squartini 1999]; ср. также типологическую интерпретацию как «сверхпрошлое» и «неактуальное прошедшее»). Подчёркивается разрыв с планом настоящего, необратимость изменений. Нередка идея «анахронизма», резкой неприемлемости и неуместности в текущей ситуации, или, напротив, «ностальгии» (сожаления об этой необратимости). Обычна сочетаемость слова *плюсквамперфект* со словами, указывающими, «где» или «для кого» соответствующая ситуация является неактуальной: *моё плюсквамперфектум, это здесь плюсквамперфект, это для них плюсквамперфект* и т. п.

⁸ Формы славянского сослагательного наклонения типа *пошёл бы* возникли, скорее всего, при участии форм с изначально плюсквамперфектной семантикой [Сичинава 2004; Крысько 2011].

3.1. «*Plusquamperfectum* моей духовной жизни»: до 1930-х годов

Метафорические осмысления слова *plusquamperfectum* / плюсквамперфектум (только с окончанием -ум и практически всегда латиницей) в русском тексте⁹ появляются в середине XIX века. В XIX веке отмечены также метафорические употребления французского термина *plus-que-parfait*. В ранний период нередко встречаются употребления этих терминов в ряду с другими названиями иностранных глагольных времён — назовём такие контексты «**парадигматическими**».

Самый ранний известный нам пример метафоризации данного понятия встретился в краткой альбомной записи, принадлежащей или, по крайней мере, приписываемой А. С. Пушкину и не включённой, насколько нам известно, ни в одно собрание его сочинений, хотя и давно введённой в отечественный научный оборот. Речь идёт о следующем пассаже из воспоминаний О. Н. Оом, внучки А. А. Олениной:

- (7) Зная, как я интересовалась её прошлым, бабушка оставила мне альбом, в котором, среди других автографов, Пушкин в 1829 году вписал стихи «Я вас любил, любовь ещё, быть может...». Под текстом этого стихотворения он в 1833 году сделал приписку: «plusqueparfait — давно прошедшее. 1833». Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности (Оленина А. А. Дневник (1828—1829) / Предисл. и ред. О. Н. Оом. Париж, 1936).

Оригиналы альбомов, принадлежавших Олениной и её внучке, были утрачены во время революции. К сожалению, существование разнообразной апокрифической пушкинианы, особенно поздней, исходящей от потомков современников поэта, не позволяет принять данное свидетельство со стопроцентной уверенностью. При этом в иной недобросовестности публикатор как будто не замечен, да и не видно особых оснований изобретать приписку с таким смыслом и тоном, которую адресат просил скрыть. Ср. аргументацию изначально весьма скептически настроенной Т. Г. Цявловской: «Но сообщаемое Оом дополнительное сведение, что Пушкин сделал под текстом позднейшую приписку: «plusqueparfait «давно прошедшее» [угловые скобки принадлежат Цявловской. — Д. С.]. 1833», заставляет нас с сугубой осторожностью высказывать наши возражения. В этой помете Пушкин отказывается от своего чувства, говорит, что оно давно прошло. Такие тщеславные и самовлюбленные женщины, как Оленина, никогда не согласятся признать охлаждения к ним чужого чувства. Оленина и не позволяла сообщать в печати эту помету... Самый факт опубликования пометками Олениной подобного текста является речательством за его под-

⁹ Напрашивается поиск источника метафоризации термина во французском (ср. примеры XIX в.) и немецком словоупотреблении; вопрос требует дальнейшего исследования. Ср. также слова Маринетти о русских футуристах (сноска 11).

линность» [Цявловская 1958: 291]¹⁰. Если этот рассказ достоверен, то Пушкину принадлежит своего рода эталонный сверхкраткий метафорический «текст о плюсквамперфекте», состоящий полностью из этого термина (в его французском варианте). Семантика этой пометы («неактуальные, миновавшие времена и чувства») взаимодействует с содержанием более раннего стихотворения, на котором она оставлена («Любовь ещё, быть может, // В душе моей угасла не совсем; // Но пусть она вас больше не тревожит» и т. д.). Что касается русской «гlossы» *давно прошедшее*, то, думается, права Цявловская, заметившая, хотя и без аргументации: «Слова «давно прошедшее» едва ли написаны Пушкиным. Вернее думать, что этот перевод слова «plusqueparfait» сделан О. Н. Оом» [Там же: 290]. Наш анализ метафорического употребления данного термина действительно показывает, что русская глосса станет стандартной спутницей слова *плюсквамперфект(ум)* гораздо позже, уже в советское время (см. 3.2), а первые ее примеры относятся как раз к 1920—1930-м годам, когда запись и была опубликована.

Другой пример переосмысления французского термина (в «парадигматическом» контексте рядом с другим — *prétérit défini*, соответствие современного термина *passé simple*) встретился в отрывках из восьмой части «Былого и дум» А. И. Герцена:

- (8) Затем мы en plein в мире умолкших теноров, потрясавших наши восемнадцатилетние груди лет тридцать тому назад, ножек, от которых таяло и замирало наше сердце вместе с сердцем целого партера, — ножек, оканчивающих теперь свою карьеру в стоптанных, собственноручно вязанных из шерсти туфлях, пошлепывающих за горничной из бесцельной ревности и по хозяйству — из очень целесообразной скупости... (...) Здесь villa Taglioni, там Palazzo Rubini, тут Campagna Fanny Elssner и других лиц... du prétérit défini et du plus-que-parfait. Возле актеров, сошедших со сцены маленького театра, — актеры самых больших подмостков в мире, давно исключенные из афиш и забытые — они в тиши доживают век Цинциннатами и философами против воли (А. И. Герцен. Отрывки из восьмой части «Былого и дум». 1865—1868).

Что касается собственно латинского термина, то первые известные нам его употребления связаны с публицистикой оппонентов западника Герцена — славянофилов братьев Константина и Ивана Аксаковых; отметим,

¹⁰ Ср. аналогичную аргументацию (но уже с более сдержанной оценкой личности Олениной) в популярной статье, вошедшей в Корпус: *Есть подозрение, что именно из-за этой строчки почти восьмидесятилетняя уже Оленина запретила открыть миру свой альбом. Наверное, это как раз по-женски: отвергнуть Пушкина, благосклонно принять «Я вас любил», но не простить этих двух слов — «давно прошедшее»...* (Д. Власов. Первая среди равных // Наука и жизнь, 2006).

что Константин Аксаков был и лингвистом, одним из наиболее крупных русских учёных XIX в. в этой области.

- (9) Давно ли, например, когда раздалась обличительная речь Щедрина, — все были ею захвачены, все были ею полны, ее слушали жадно, эту речь; казалось, вот оно, настоящее слово... А теперь Щедрин есть уже прожитое явление, plusquamperfectum (мы говорим не о таланте его, а о характеристике самых первых его сочинений, наделавших столько шуму); внимание к нему охладело. Конечно, всегда прочтут с любопытством, что он напишет; но жадность прошла. — Откуда же это странное явление? Что это: прожитой литературно момент исторический? Да, прожитой момент (К. С. Аксаков. Наша литература. 1859).
- (10) Надобно признаться, впрочем, что адреса Петербургского дворянства и Думы произвели сильное ощущение (sensation) в здешнем обществе. (...) К тому же нашлись некоторые поляки, живавшие долго в России, во время оно, и как нарочно хранящие об оном времени самую свежую память. Они порассказали кое-что о том, как, бывало, составлялись подобные адреса в прежние годы, и хотя это время perfectum, plusquamperfectum, однако они постарались набросить тень сомнения в действительном значении адресов (И. С. Аксаков. Письма Киселева. Париж, 10 апреля 1863 г.).

В примере из статьи Константина Аксакова метафора развёртывается, причём в различных выражениях — «прожитое явление», «прожитой литературно момент исторический», «внимание охладело», хотя сам грамматический термин ещё не глоссируется и полагается известным читателю. Такой приём в дальнейшем станет очень распространённым. Что касается примера из Ивана Аксакова, то для него, как и для Герцена, метафорика иностранных прошедших времён ещё не стала явлением, привязанным исключительно к плюсквамперфекту; этот грамматический термин Аксаков называет в парадигматическом контексте с названием латинского простого прошедшего perfectum (функционально как раз примерно соответствующего французскому «prétérit défini» у Герцена).

В XX веке ранний и интересный пример принадлежит не кому иному, как В. И. Ленину. В ленинской цитате мы видим одновременно и мотив «анахронизма» («одеревеневшие мумии»), и неодобрительно оцениваемый мотив «ностальгии» («меланхолический взгляд назад»):

- (11) А с другой стороны, вместо лозунга получается описание, вместо бодро призыва идти вперед получается какой-то меланхолический взгляд назад. Перед нами точно не живые люди, которые вот теперь же, сейчас хотят бороться за республику, а какие-то одеревеневшие мумии, которые sub specie aeternitatis рассматривают вопрос с точки зрения plusquamperfectum (В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. 1905).

Название латинской грамматической формы вообще было в ходу в политической публицистике эпохи русской революции. Из других социалистов, например, его впоследствии используют в последнем слове на сталинском процессе Н. И. Бухарин (18) и в мемуарах эсер В. М. Чернов:

- (12) От этой неожиданной речи на меня повеяло воспоминаниями о тех днях наивной веры, когда на меня находил молитвенный экстаз — и в которых для меня был уже plusquamperfectum моей духовной жизни... (Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. 1922).

Слово встречается и в историко-литературных контекстах Серебряного века (в том числе уже в эмиграции) с уничижительным «анахронистическим» значением:

- (13) Даже эго-поэты посмеиваются: «Московская фракция Будущего [футуристов] есть фракция Давно-прошедшего, их Futurum есть Plusquamperfectum» (К. И. Чуковский. Кубофутуристы. 1922, цитируемый манифест эгофутуристов относится, судя по контексту, к 1912—1913 гг.)¹¹.
- (14) После прозы Ливия или «Слова о полку» доморошенная проза Чернышевского была жалка. Прочитав страниц восемьдесят, я вернул книгу брату. В тот день я узнал, что в мировой литературе существует свое захолустье. Впоследствии я научился снисходительнее соразмерять свои требования, но «Что делать?» ни разу не мог дочитать до конца. Роман остался в моем сознании образцом литературно-общественного плюсквамперфектума. И уж никак я не ожидал, что почти через двадцать лет после первого знакомства с «Что делать?» доведется мне лично встретиться с его героиней — да еще жить с нею под одной кровлей (В. Ф. Ходасевич. Здравница. 1929).

В предреволюционные годы образ начинает проникать и в художественную литературу и в философскую эссеистику (у Розанова — снова «парадигматический» контекст из целых четырёх временных терминов, с приравниванием plusquamperfectum к perfectum, как и у Аксакова):

- (15) И когда я, как-то, напомнил ему ту весну, Барельеф, Милостивого Государя, он сердито мотнул головой и сказал: — А, батенька, все

¹¹ Практически то же самое сказал о русских футуристах, уезжая из России, и Ф. Маринетти в 1914 г. (цит. в английском переводе по Anna M. Lawton, Herbert Eagle. Russian futurism through its manifestoes, Cornell University Press, 1988): «[these] pseudo-futurists live in plusquamperfectum rather than in futurum». Аналогично атаковали футуристический «мейнстрим» «Гилеи» и другие их конкуренты, претендовавшие на то же звание — поэты группы «Центрифуга», правда, предпочитавшие французскую, а не латинскую грамматическую терминологию: в «Грамоте» Асеева, Боброва и Пастернака 1914 г. «гилейцы» названы «пассеистами».

это ерунда и *plusquamperfectum*! (В.Стражев. Давно-недавно // Утренники. Товарищеский сборник. М., <1909>. С. 101)¹².

- (16) Он лицеист (Москва). Умница. Страсть — Рембрандт и Россини. Пишет. Но что-то «не выходит». Родился до книгопечатания и «презирает жить в веке сем». У него нет *praesens*, а все *perfectum* и *plusquamperfectum*. *Futurum* яростно отвергает (В. В. Розанов. «Опавшие листья. Короб второй». 1915).

В довоенном Советском Союзе подобная лексика, подразумевавшая «старорежимный» общеобразовательный ценз адресата, становится маргинальной и нежелательной в печати, но при этом люди с дореволюционным гимназическим образованием всё же продолжали использовать слово *плюсквамперфектум* (уже нередко кириллицей) метафорически. Может быть, не случайно, что в двух приводимых ниже примерах 1930-х годов мы имеем дело с посланиями жертв, адресованными государственной машине; подобные тексты были существенно менее ограничены стилистически, чем регулярные публикации. Еще два примера — (52) и (62) — мы приводим, в соответствии с их семантикой, в других разделах; они принадлежат «внутренним эмигрантам» Сигизмунду Кржижановскому и Георгию Оболдуеву, произведения которых при их жизни практически не публиковались.

- (17) Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы высокомерного удивления: «М. Булгаков *хочет* стать сатириком нашей эпохи» («Книгоноша», № 6, 1925 г.). Увы, глагол «хотеть» напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в плюсквамперфектум: М. Булгаков *стал сатириком* как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немыслима (М. А. Булгаков. Письмо Правительству СССР. 1930).
- (18) В нашей стране так называемая *l'âme slave* и психология героев Достоевского есть давно прошедшее время, плюсквамперфектум (Н. И. Бухарин. Последнее слово обвиняемого на процессе «право-троцкистского блока». 1938).

Характерно, что в предсмертной речи Бухарин уже «гlossирует» используемый им термин — приём, который станет обычным в послевоенное время (см. ниже); к тем же 1930-м годам, вероятно, относится и глосса «давно прошедшее» к пушкинской записи, сделанная в эмиграции внучкой А. А. Олениной (7). Одна из частей фантазмагорического романа «несозвучного эпохе» и быстро забытого советского писателя Сергея Заяицкого «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» (1928) называется «Давнопрошедшее (*plusquamperfectum*)», также с глоссой. Следует отме-

¹² Интересно, что здесь в паре с *plusquamperfectum* выступает слово *ерунда*, по одной из расхожих версий (см. раздел 1.2.) образованное от *gerundium*; скорее всего, автор не имел этого в виду.

титель, что это название «парадигматическое» и входит в ряд двух других таких же: «Прошедшее совершенное (perfectum)» и «Прошедшее несовершенное (imperfectum)», то есть для Заяицкого, как в своё время для Герцена, Аксакова или Розанова, схожее метафорическое переосмысление не привязывалось только к плюсквамперфекту. Любопытно, что современный литературовед академик А. В. Лавров в статье о Заяицком [Лавров 2012] замечает, что в круг занятий его героя входили *«исторические, историко-филологические и искусствоведческие штудии (преимущественно на материале «Давнопрошедшего. Plusquamperfectum», как называется одна из частей романа Заяицкого о Лососинове)»*, безошибочно выбирая из трёх подзаголовков романа именно тот, метафорическое употребление которого к нашему времени прочно закрепилось в языке.

Вот пример из языка человека самого младшего дореволюционного поколения, не прошедшего через советский опыт — историка-эмигранта С. А. Зеньковского, приехавшего в Ленинград в 1970-е годы в качестве интуриста и делящегося впечатлениями в письме другому эмигранту, своему примерному ровеснику поэту И. В. Чиннову. Значение, в котором употреблено слово — «примета давнего времени, уже ни для кого не актуальная (в данном случае — как знак чего-то враждебного советской власти)»:

- (19) ...в СПб отдыхаю — есть знакомые, много встреч и разговоров. Город, я думаю, самый красивый в мире и сохранился таким, каким был в 1914 году. Даже кое-где на мостах и памятниках снова восстановлены орлы двуглавые — но это здесь plus quam perfectum и никто не обращает на это особенного внимания.

При публикации этого текста (в сборнике переписки Чиннова под редакцией О. Ф. Кузнецовой «Письма запрещённых людей», М., 2003) возникла курьёзная ситуация. Публикатор решил откомментировать слова plus quam perfectum и сделал к ним сноску: «Дополнительные усовершенствования (*лат.*)». По-видимому, такой результат мог получиться только при самостоятельном обращении к латинско-русскому словарю и при незнании грамматики этого языка. Этому поспособствовало и нестандартное раздельное написание латинского термина, использованное Зеньковским, из-за которого стал возможен такой пословный перевод: тем самым почти вскрылась внутренняя форма термина «более чем совершенное / совершённое [действие]»¹³.

¹³ Такое семантическое развитие (ср. шуточный перевод французского названия «более, чем безукоризненно» в сноске 5) возможно и всерьёз. Например, в английском языке слово *pluperfect*, обозначающее в научном контексте плюсквамперфект в разных языках мира (в том числе Past Perfect в английском), имеет также значение, никак не связанное с неактуальностью или вообще с семантикой этого времени и ориентированное именно на значение прилагательного *perfect* ‘совершенный’ — ‘наиболее совершенный’, ‘выраженный в наивысшей степени’, ‘максимальный’.

Спустя 10 лет похожий (хотя и не столь разительный) курьёз произошёл с известным поэтом Полиной Барсковой и литературоведом Т. С. Поздняковой, комментаторами дневника родившейся в 1902 г. С. К. Островской (Новое литературное обозрение. М., 2013; на этот пример указал нам В. А. Плунгян). Здесь к словам автора (запись от 26 марта 1936 г.): «Так, должно быть, и со мною: некая бытность в *plusquamperfectum*. Наисовершеннейшая форма прошедшего, вопреки всей грамматической логике, делящаяся в настоящем, причем настоящее это весьма сомнительно и носит в себе некоторые признаки значительной условности» (с. 153) дана следующая удивительная сноска (с. 633): «От лат. *plus quam perfectum* — “больше, чем перфект”, т. е. “больше, чем совершенное”; иногда (! — Д. С.) в смысле “давнопрошедшее”, “предпрошедшее”». Отметим, что это слово встречается в дневнике Островской неоднократно, ср.: «Пролетающий изредка мирный самолет будит своим гудением бессознательное чувство опасности, которое мозг сразу же относит ко времени *plusquamperfectum*» (запись от 2 сентября 1945 г.), причём, как видно из примеров, с колебанием между немецким *-k-* и латинским *-c-* (если здесь нет опечаток).

Несмотря на эти красноречивые свидетельства забвения классической грамматической терминологии в (пост)советское время, это слово в данном метафорическом значении вновь стало употребляться именно в позднесоветский (с 1960-х годов) и особенно активно в постсоветский период.

3.2. «Никак его не вытащишь из этих первых пятилеток»: позднесоветский период

В позднесоветских метафорических примерах по-прежнему используется, как и в дореволюционных и эмигрантских, вариант с конечным *-um*: *плюсквамперфектум*. Однако латиницей он больше не записывается: уже в 1930-е годы начался процесс освоения данного варианта как элемента русского словаря. Морфологические характеристики этой лексемы еще не ус-

симальный’. Ср. в Британском национальном корпусе пример *a pluperfect realisation of Bartok’s Second Violin Concerto*. В американском английском это слово часто употребляется в пейоративных контекстах. Так, например, в «Молчании ягнят» Т. Харриса мы видим достаточно изысканное ругательство *What a pluperfect asshole* (в русском переводе И. Бессмертной и И. Данилова — «Настоящий мешок с дерьмом»); неоднократно встречаются в текстах также сочетания *pluperfect hell*, *pluperfect fool* и т. д. При этом существуют и метафорические употребления английского *pluperfect*, вполне аналогичные русским. Например, *The first half of the novel is curiously uneventful: births, deaths, couplings are looked back upon in a kind of remote, pluperfect time by Marianna as she sits by a sickbed or suffers insomnia* или *So he made no comment. He was always afraid that if the conversation proceeded into a danger zone, she might bring up things he didn’t want to talk about, their own sad pluperfect* (примеры из Корпуса американского английского СОСА). Французский термин *plus-que-parfait* также каламбурно обыгрывается в языке рекламы как «более чем совершенный» (благодарим за указание Н. М. Заику).

тоялись: она могла быть несклоняемой (*личное знакомство с плюсквамперфектум*, (36)) или склоняемой (*будешь плюсквамперфектумом*, (25)), в том числе встретилось нестандартное склонение (типа *Христос*) с морфемой *-ум* только в номинативе (одушевлённое употребление, о человеке: Им. ед. *плюсквамперфектум*, но Вин. ед. — *этого плюсквамперфекта*, (21)). Обычно это слово мужского рода (*вам только один плюсквамперфектум нравится* (20)), но засвидетельствован и пример (у П. Жаткина), где сохраняется свойственный латыни средний род (*моё плюсквамперфектум*, (24)). Что касается сильнее русифицированного варианта *плюсквамперфект*, то в этот период, судя по данным Google Books, он был зарезервирован за собственно грамматическим термином и соответствующей специальной литературой, где, в свою очередь, вариант с *-ум* практически не употреблялся¹⁴. Таким образом, в советское время финальное *-ум* стало как бы лексическим маркером, отделяющим «школьное» и «метафорическое» употребления, с одной стороны, от «научного» употребления, с другой. Показательно, например, что Андрей Битов употребляет в метафорическом контексте фантомную, макароническую форму, где к английскому названию прибавлено латинское *-ум*: *⟨...⟩ эти часы до сих пор позванивают в прошлом времени, звуковой паст-перфектум, и как-то напоминают мне ⟨...⟩ что на «хрустальном облаке Петербурга», с внутренней стороны колпака были тоже пятна голубой эмали ⟨...⟩* (А. Битов. Фотография Пушкина. 1980—1990). При этом «школьный» / «метафорический» вариант выглядел с морфологической точки зрения более экзотическим, а «научный» — более освоенным (см. выше, раздел 1). Как мы уже видели (там же), лексикография фиксирует только «научный» вариант. Нам известно одно обсуждение разницы между формами с *-ум* и без в контексте метафоризации — но не в научной работе, а на Интернет-форуме игроков в интеллектуальные игры, см. подробнее в разделе 3.3.

Характерным для метафорического круга употреблений в новой культурной ситуации является нередкое авторское глоссирование термина «плюсквамперфект»: в этом случае авторы, по-видимому, уже (ещё) не рассчитывают, что читатели свободно его опознают. При таком глоссировании это слово, как мы уже видели выше в примерах (13) и (18), так или иначе «переводится» на более понятный советскому читателю язык, причём для перевода могут использоваться как славянский грамматический термин *давно()прошедшее время* (в слитном или раздельном написании), так и различные авторские интерпретации, представляющие для исследователя наибольший интерес. Если в начале века при употреблениях данного слова (которое обычно не комментировалось) имелись в виду, несом-

¹⁴ Вариант *плюсквамперфектум* кириллицей в лингвистических работах встретился нам только в книге «Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол» (1963) Г. Д. Санжеева (неспециалистам он известен как адресат одного из «ответов» Сталина в ходе дискуссии о марксизме в языкознании в 1950 г.).

ненно, классические языки, то в описываемый период в тех случаях, когда речь заходит о конкретных языках, конкуренцию латыни составляет прежде всего привычный в советском школьном преподавании немецкий язык, а один раз (в украинской повести) упоминается старославянский. С семантической точки зрения советские контексты, как и досоветские, не слишком разнообразны: речь идёт в основном об анахронизмах и безвозвратно ушедших событиях.

До 1960-х годов нам встретился только один изолированный, зато очень важный, послевоенный советский пример метафорического употребления слова *плюсквамперфект(ум)*: даже не в литературе в собственном смысле слова, а в таком массовом виде искусства, как кино, причём эпохи позднесталинского «малокартинья». Речь идёт о фильме «Смелые люди» (1950), сценаристы которого — известные драматурги Н. Р. Эрдман и М. Д. Вольпин, «звёздный час» которых пришёлся на 1920-е годы, а творческий тандем в кино сложился в 1930-е; личности авторов непосредственно связывают данный текст с предшествующей эпохой. В «Смелых людях» уже налицо типовая для 1960—1980-х годов (и даже позже, ср. эссе И. Фаликова) схема введения данного слова в текст: автор или герой-резонёр оглашает цитату из учебника с определением, а затем применяет это слово к какому-нибудь конкретному жизненному явлению — в данном случае к идее «несозвучности советской эпохе». В «Смелых людях» *плюсквамперфект(ум)* становится одним из (полукомических) лейтмотивов образа главной героини, занимающейся в «кружинязе» немецким языком:

- (20) [Надя Воронова] (с учебником в руках, повторяет по памяти) Плюсквамперфектум, плюсквамперфектум¹⁵. Давно прошедшее. Употребляется для обозначения прошедшего законченного действия... законченного действия, которое произошло раньше также уже прошедшего действия, причём первое действие является причиной второго действия¹⁶. (...) [Воронов] Ох уж этот ваш Маяковский. [Надя Воронова] Ну да, конечно, вы всё современное не признаёте. Вам только один плюсквамперфектум нравится. [Воронов] Чего-чего? [Надя Воронова] Плюсквамперфектум, давно прошедшее. Даже Вася и то говорит, что вы консерватор.

¹⁵ Отметим, что Надя произносит [пл'усквмпэрфэктум] (иногда с приглушённым, но несомненно читающимся по губам финальным -ум), в то время как в другой сцене чуждый каким бы то ни было иностранным языкам директор конного завода, зачитывая вслух попавшую к нему по ошибке страничку из Надиного конспекта, выговаривает [пл'усквмп'и'рф'экт], адаптируя и «снижая» его и фонетически, и морфологически.

¹⁶ Источники этих анонимных определений из «учебников» нуждаются в дополнительных разысканиях. Идея непрерывной причинно-следственной связи между двумя событиями, выраженными плюсквамперфектом и другим прошедшим временем, в «научном» контексте не часта, а в «школьном» тем более.

В 1962 году Н. Волжина и Е. Калашникова опубликовали перевод «Зимы тревоги нашей» Стейнбека (см. выше, раздел 1), где метафоризации нет, а просто обыгрывается «учёное» звучание привнесённого переводчицами термина. В том же году в повести Бориса Полевого «На диком берегу» появляется метафорический *плюсквамперфектум*, тоже в контексте «несозвучности эпохе» и тоже с вводящей ссылкой на немецкий язык; Полевой повторяет апелляцию к немецкому и в своих записках о войне «Эти четыре года».

- (21) Опять воспитывал этого... Ну, как это по-немецки-то будет... Ну, давно прошедшее время?... — Плюсквамперфектум? — Вот-вот, этого плюсквамперфекта... Трудно, очень трудно поддается. Простейших современных истин не хочет понимать. Упрямейшее существо, никак его не вытащишь из этих первых пятилеток (Б. Полевой. На диком берегу // Знамя. 1962).
- (22) Форменные шаровары давно, как говорят немцы, плюсквамперфектум — разлезлись на коленях и сзади, и я шеголяю в ватных штанах (Б. Полевой. Эти четыре года: из записок военного корреспондента. М., 1974 — ср. эту же формулу *как говорят немцы* в (45)).

Отметим также очень ранние украинские советские примеры: роман Ю. Смолича «Театр невідомого актора» (1959, см. выше, сноска 7, где тоже только обыгрывается звучание), а также повесть из журнала «Дніпро» (1963) с такой же мизансценой, как в фильме «Смелые люди» (любопытно, что об украинском плюсквамперфекте, который тоже называется *давно(,)минулий час*, героиня даже не вспоминает, возможно, потому что он, как и соответствующая белорусская форма, в советское время был достаточно ограниченно признан в нормативной грамматике):

- (23) Дівчина сіла на плиті, глянула на годинник: — Завтра у цей час ми провалимось на екзамені. Зітхнувши, дістала підручник, читає: — В старослов'янській мові, крім минулого часу, існував давно минулий час. Плюсквамперфектум <...> Несподівано — з печаллю прозріння: — І скажуть колись про нас: «Такі були молоді. Горіли. Плюсквамперфектум вчили... І самі стали — плюсквамперфектум».

Не приходится удивляться, что и уже упоминавшийся мемуарный текст П. Жаткина о Всеволоде Иванове (1968) выстроен по отработанной схеме — приводится анонимное определение из «учебника» и даётся переход к личной судьбе:

- (24) «Преждепрошедшее или предпрошедшее время выражает действие, законченное до наступления другого прошедшего действия...». Так говорит учебник латинского языка. Годы, о которых я собираюсь рассказать — моё плюсквамперфектум.

Интересен пример (25), рассчитанный на то, что аудитория уже знакома с латинской или немецкой системой грамматической терминологии; здесь,

как в XIX — начале XX века, «парадигматически» использовано другое название времени — в данном случае *praesens* ‘настоящее время’:

- (25) Назовем хотя бы Презента, юриста по образованию, одно время поставленного Трофимом [Лысенко] деканом сразу двух (!) биологических факультетов — МГУ и ЛГУ. Вот тогда на стене нашего доброго старого здания на Моховой я увидел написанную мелом фразу: «Презент, Презент! Когда ты будешь плюсквамперфектом?» (И. Шкловский. Эшелон. 1984, опубли. 1989; описываемый эпизод относится к концу 1940-х годов).

В 1960—1970-е годы метафорическое употребление слова *плюсквамперфектум*, уже с меньшим числом комментариев, появляется у самых разных советских писателей, крупных и второстепенных, а также проникает даже в литературоведческий текст:

- (26) — Слушай, старпом, нет ли у тебя чего-нибудь такого антисептического?.. — Нашел у кого спрашивать. Живешь на базе... — И-и, голубчик! Все это плюсквамперфектум. На базе сейчас институт благородных девиц. Из крепких напитков только чай (А. Крон. Дом и корабль. 1964; действие романа происходит в 1941—1942 гг.).
- (27) Про Германа забудьте. Герман — это давно прошедшее прошлое. Плюсквамперфектум. — Хорошо, про Германа постараюсь забыть (Ю. Трифионов. Бесконечные игры: о спорте, о времени, о себе. М., 1989 (время написания 1960-е—1981)).
- (28) Слегка захмелевший Жорик — Олин однокурсник и поклонник — все продолжал вспоминать про тот воскресный день, когда Оля и Герман приезжали к нему в гости под Можайск. И, вероятно, юноша говорил бы еще долго, если бы его несколько резковато не прервала Ольга: — Жорик!.. Довольно... Это все плюсквамперфектум. И никому не интересно... (Тайник / Огонёк. № 5. 1970).
- (29) За смутной, неуловимой дымкой времени мерцает вообще былое, минувшее, светлый плюсквамперфектум. Вопреки собственным усилиям, некогда; направляемым на некоторое ослабление «мира сладких мечтаний», теперь Бунин заставляет громче звучать именно его элегическую струну (Русская литература XX века: дооктябрьский период. М., 1973. Т. 4. С. 14).
- (30) — Память — штука несовершенная. Давно уж очень было, ох как давно... Слишком много произошло после... Плюсквамперфектум.... <...> Санокская хроника уже не плюсквамперфектум, многое преломляется через нее, причастно к ней (В. Кардин. Открытый фланг: документальные повести. М., 1975).
- (31) — Ну что вы! — вяло отозвалась она. Всё это времена давно прошедшие, плюсквамперфектум (А. Спешнев. Триптих. М., 1981).

3.3. «*Может быть, разгадка российской истории заключена в слове плюсквамперфект*»: *постсоветский период*

На исходе советской эпохи, в 1989 году, мода на переносное значение слова *плюсквамперфектум*, напомним, стала уже заметной для лингвистики и отразилась в работе В. К. Харченко. Но особо частотными такие употребления (как и использование этого слова в ненаучном контексте вообще) становятся уже в постсоветское время. Возможно, это следует связать с объяснением Александра Кушнера, см. пример (55): *в такие пограничные времена обостряется интерес и тяготение к плюсквамперфекту, давнему прошедшему*. Не случайно сильное оживление «ностальгических» мотивов (34, 38, 47), в частности, обыгрывание ставшего популярным фразеологизмом названия фильма Станислава Говорухина *Россия, которую мы потеряли* в (43). В этот же период, помимо стандартной «неактуальной» метафоризации, активизируются контексты, связанные просто со значительной временной дистанцией или с ирреальными трактовками (см. разделы 4 и 5), причём последние также не исключают «ностальгического» оттенка.

Появившееся в 1999 году пессимистическое эссе Ильи Фаликова, озаглавленное «Плюсквамперфектум», ещё построено по классической схеме советского «текста о плюсквамперфекте» — цитата из анонимного учебника (правда, в отличие, например, от очерка Жаткина 1960-х годов, не в начале, а в середине текста, что уже указывает на более высокий уровень предполагаемого читателя) и собственные интериоризированные комментарии автора. Оно интересно (с точки зрения типологических данных) демонстрирует, как из трактовки «предшествования в прошедшем» (цитируемый «учебник латинского языка» не идентифицирован) полностью самостоятельно, без обращения к типологии языков мира и работам Даля или Сквартини, вырастает теория «замкнутого временного интервала» в прошлом. При этом автор, открыто декларирующий «метафоризирующий» подход, выходит на достаточно глубокие обобщения, связанные с судьбой поколения (в частности, поэтического):

- (32) “Plusquamperfectum (прошедшее время [sic. — Д. С.] означает действие законченное, совершившееся раньше другого действия, относящегося к прошлому” (учебник латинского языка). Если метафоризировать — что это означает применительно к поэзии?

У меня есть сильное ощущение, что все мы живем внутри глагола прошедшего времени, которое закончилось, но — раньше другого действия. Другое действие распознается по тем признакам, которые уже существуют¹⁷. Мы балансируем между законченным и другим. Но в том-то и дело, что в поэзии нет ничего законченного.

¹⁷ Отметим, что это фаликовское определение «другого действия» вполне точно соответствует типологическому определению перфекта (ср. [Dahl 1985] и другие работы о перфекте).

Поэзия — постоянное саморазвитие. Здесь другое время... (И. Фаликов. Плюсквамперфектум // Арион. 1999. № 1).

Другое программное эссе на эту тему, автором которой является Игорь Померанцев, озаглавлено «Был помнивши» — русской (новой) диалектной формой плюсквамперфекта. Оно соединяет в себе «ностальгическую» метафоризацию (слово *плюсквамперфект* применено к эмигрантскому творчеству Бунина, ср. (29), (61)) и перетекающие из типологии в философию рассуждения об отсутствии плюсквамперфекта в русском языке, напоминающие модные лингвистические представления о «картине мира». Эссе заслуживает пространной цитаты:

- (33) Может быть, разгадка российской истории заключена в слове *плюсквамперфект*. В его отсутствии. В латинском языке плюсквамперфектом называют предпрошлое время. Образуют его посредством вспомогательного глагола. Вставил такой глагол-«жучок», и ты уже в прошедшем, канувшем в прошлое. Такие «жучки» до сих пор точат английский, немецкий, французский. Были они когда-то и в русском, но источились. В старых книжках остались лишь просторечия вроде «он был привыкши». Грамматику приходится восполнять лексикой: «помню, бывало...» или «давным-давно...». Этот грамматический недобор или, если угодно, грамматический романтизм дорого обходится носителям языка. Их история никак не становится историей; как упрямая страница в новенькой книге, не переворачивается; рвется в настоящее. Нет на нее, российскую историю, грамматической узды. А вот в русской жизни плюсквамперфект случается. Классический пример — эмиграция. Зрелая проза Бунина и Шмелева — двух Иванов, очаровательно помнящих родство, — написана как бы в предпрошлом. Очарование их прозы в этом «как бы», в грамматической недосказанности (И. Померанцев. Был помнивши / И. Померанцев. По шкале Бофорта. // Urbi: Литературный альманах. Выпуск десятый. СПб., 1997. С. 117—118).

В постсоветский период в метафорическом контексте численно уже начинает явно преобладать «научная» форма без конечного *-um* с предсказуемыми морфологическими характеристиками — *плюсквамперфект* (хотя и форма на *-um*, в том числе латиницей, не исчезает); встречается, чего раньше не было, также термин в немецкой орфографии без *-um* (*Plusquamperfekt*). Другим признаком освоенности становится то, что это слово существенно реже глоссируется в тексте при помощи слов «давнопрошедшее» или подобных; переход к метафоре происходит более непосредственно.

- (34) И тут звонит ни больше ни меньше как Саня Годорович. Я бы сказал — ниоткуда: вот уж кого никогда нигде никаким боком не бы-

- ло, разве что в плюсквамперфекте, что, как известно, выражает полную смерть когда-то бывшего (А. Найман. Славный конец бесславных поколений. 1994).
- (35) Не буду темнить — плюсквамперфект, факты вчерашнего дня. И апелляция к ним не от хорошей жизни. Если и ретро, то вынужденное. С подтекстом. С надеждой — на что? На молодых реформаторов, естественно (Л. Теракопян, «Расстыковка» / Дружба народов. 1998).
- (36) Я много думал о нём, и он приходил ко мне. — Гоголь?! — Да... напряжением мысли видел его наяву и в снах. — Интересно... Личное знакомство с давно прошедшим, с плюсквамперфектом... Он должен быть руками и глазами в сегодняшнем дне, в нашей эпохе... а не в плюсквамперфектом (Юность. 1994).
- (37) И Бог как чистый Дух, и абстрактный ум-разум Науки и Техники — встречаются в Ноо-сфере, минуя «слова, слова, слова» художественной литературы, оставляя ее где-то внизу, как рудимент и плюсквамперфект (Г. Гачев // Знамя. 2000).
- (38) Дача: клубничное жаркое детство, / плюсквамперфект, почти мезозой¹⁸, / гений: ребенок с геном злодейства / хищно охотится за стрекозой (И. Кабыш // Дружба народов. 2000).
- (39) Межевые распри — это не «плюсквамперфектом», это наше настоящее и, возможно, будущее (Е. Козырева. Дамская охота. 2001).
- (40) Это пройденная жизнь, пройденный этап, плюсквамперфект, ушедшее время (А. Васильев. Континент. 2002).
- (41) Московские взрывы стали (разумеется, не для родственников погибших) таким же академическим плюсквамперфектом, как и, скажем, проблема, был ли Ленин немецким шпионом (Неприкосновенный запас. 2002).
- (42) Те, чья жизнь была сопричастна полувековой истории культуры двух столиц, с горечью назовут десятки имен, щедро одаренных ярким талантом, но потерявшихся в сумерках плюсквамперфекта... (З. Плавинская. Отражение // Интернет-альманах «Лебедь». 2003.07.28).
- (43) А кроме всего прочего, Древняя Русь для обитателей нашей Российской Федерации — plusquamperfectum, Русь, которую мы потеряли (А. Ранчин // Новое литературное обозрение. 2003).
- (44) Образовательные стандарты перегружены плюсквамперфектами, перегружены специальной информацией, которая не должна входить в ядро общего образования (Е. Бунимович. Фурсенко закончил школы // Новая газета. 2005).

¹⁸ Отметим, что уже в 1989 году, *avant la lettre*, В. К. Харченко рассматривает метафорические употребления слов *плюсквамперфектом* и *мезозой* на одной странице [1989: 23].

- (45) Впрочем, все это уже, как говорят немцы, Plusquamperfekt, давно прошедшее... (Г. Николаев. Вещие сны тихого психа // Звезда. 2002) (ср. эту же формулу *как говорят немцы* у Б. Полевого, (22)).
- (46) Офелия не имеет никакого значения для развития характера Гамлета, она для него — Plusquamperfekt, поэтому и в сюжете она может с равным успехом как присутствовать, так и отсутствовать: ее глупоговорение ничего не добавляет пьесе (Ю. Буйда. Щина // Знамя. 2000).

Метафорические употребления слова *плюсквамперфект(ум)*, тоже обычно уже без какого-либо пояснения, в большом количестве представлены в блогах и социальных сетях начала XXI века, наряду, разумеется, со «школьными» контекстами в дневниках студентов и преподавателей и даже попытками философски осмыслить типологию языков в духе цитировавшегося эссе Померанцева: *Кроме того, в русском градации времяобразования недостаточно развиты — например, в итальянском несколько будущих и несколько прошедших; также [sic] во многих европейских. Тут, вероятно, связано с письменной историей — в России плюсквамперфектум не очень-то нужен, если уже дедушек своих мы помним плохо. А про будущее и говорить не приходится — какое на хрен будущее...* (Живой журнал, 2011). Вот характерные примеры из Интернет-коммуникации (сохраняем орфографию и пунктуацию оригиналов):

- (47) Все, что было так обаятельно в нашей общей повседневности, по напечатании кажется блеклым и грустным — нищета и принужденность советского литературного быта здесь выползает на первый план. А очарование плюсквамперфекта, когда любой «засохший, безуханный» фактик трогает сердце, — еще не сформировалось (Живой журнал, 2005).
- (48) Несмотря на обилие в ФВ идиотских репостов, ЖЖ с его интерфейсом и ориентированностью на текст выглядит плюсквамперфектом (Живой журнал, 2013).
- (49) Здравый смысл просто, Эрдоган [премьер-министр Турции] похоже уже плюсквамперфектум, и нужно приспособливат(ь)ся к данной реальности (Твиттер, 2013).
- (50) Вся жизнь его, весь многообразнейший опыт общения с прекрасным полом (даже в тех случаях, когда сей эпитет безнадежный плюсквамперфект) научили его, что почтение это последнее, чего женщина ждет от мужчины (forum-people.ru/, 2013).

«Одинаковая неактуальность различных давних событий и полное безразличие к ним» — вот примерно какой образ стоит за словом *плюсквамперфект*, употребленном в 2012 г. (к 200-летию Отечественной войны 1812 г.) в дискуссии на Facebook:

- (51) [Участник 1:] Из олимпиадного сочинения (...): «И тогда Кутузов вскричал: “Ребята! Велика Россия, а позади Москва — отступить

некуда!» И ещё — из этого же текста: «Многие русские женщины, как Наташа Ростова, готовы были продать свои драгоценности, живя под лозунгом: всё для фронта, всё для Победы!» Вот такая каша в головах у бедных детей. Боюсь, что это системное... :(

[Участник 2:] Увы, для них это все плюсквамперфект...

Именно в Интернете, на форуме игроков в интеллектуальные игры (типа «Что? Где? Когда?» или «Своей игры») нам встретилось едва ли не единственное обсуждение метафоризации слова *плюсквамперфект* в контексте разницы между вариантами с конечным *-ум* и без него. В 2004 году (<http://www.wowwi.org.ru/cgi-bin/casino/forum.cgi?page=1637>) там обсуждался вопрос, предложенный участницей с ником Ольга_С, который выглядел так:

Тема: ... ква...

Вопрос: Это время глагола давно стало нарицательным. В смысле «дела давно минувших дней»...

Подсказка: Полатинистее, пожалуйста

Ответ: ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТУМ

Здесь мы видим, наряду с уже знакомым нам набором мотивов (оссиановско-пушкинская парафраза, внимание к отрезку *-ква-*), еще и метаязыковую рефлексию — осознание того, что термин давно стал «нарицательным» (то есть метафоризируется), а также не встретившуюся в лингвистической литературе совершенно верную мысль о том, что для метафорического употребления нужна более «латинистая» форма с конечным *-ум*. Интересно и то, что вопрос вызвал протесты других участников форума, указавших на то, что в словарях встречается только форма *плюсквамперфект*, а также контраргументы, в том числе со ссылкой на уже знакомые нам примеры (письмо Булгакова, перевод Стейнбека, эссе Фаликова).

Итак, метафорическое употребление слова *плюсквамперфект* в значении «неактуальные события давнего временного интервала», «анахронизм», «предмет ностальгии» пережило советскую эпоху и предстаёт в современном языке уже привычным и широко освоенным. Однако у этого термина есть и другие, более редкие метафорические употребления, которые мы ниже также разберём.

4. «Из глубины плюсквамперфектума»: временная дистанция и её переосмысление

В ряде примеров, на наш взгляд, у слова *плюсквамперфект(ум)* преобладает значение «давнопрошедшего», то есть чистой временной дистанции без идеи неактуальности:

- (52) Пафос монархии, особенно абсолютистской, всегда направлен на прошлое. Монархии опираются на плиты могил, с их «сын сына сына»; заслуги предков — взамен дел живущих; генеалогическое древо, растущее ветвями вспять и выставившее корень в пустоту. Во время закрепления таких династий появляются угодливые историки и поэты-эпики, пишущие медленными размерами бесконечные шах-намэ, то есть описи царей и деяний. Такого рода дастаны, поэмы царей обычно обрываются вместе со смертью эпика, не успевающего дойти из глубины плюсквамперфектума до настоящего времени. И новый преемник, подобрав последний стих, длит шах-намэ дальше (С. Д. Кржижановский. Салыр-Гюль. 1933).

В современных текстах трактовка в русле временной дистанции (иногда с подчёркнутой актуальностью давних событий) проявилась разве что в нескольких примерах, где наш термин всюду эксплицитно «гlossирован» как «давнопрошедшее время»:

- (53) Ну, первая промышленная революция — это понятно, это давно прошедшее, так сказать, плюсквамперфект. Конец XVIII — начало XIX века. Символ — паровая машина. Суть — механизация производства. Социальные последствия весьма значительные и общеизвестные (И. Бестужев-Лада. Прогноз на завтра // Студенческий меридиан. 1985. № 9).
- (54) И вышло так, что хотя с Нюрой жил он очень коротко в каком-то давно прошедшем плюсквамперфекте, с тех пор ничего о ней не слышал и сам ей ни разу не написал, а не было у него на свете существа более близкого, чем она (В. Войнович. Замысел. 1999).
- (55) Стихи, продиктованные близостью нового тысячелетия (в такие пограничные времена обостряется интерес и тяготение к плюсквамперфекту, давнему прошедшему) (А. Кушнер. «С Гомером долго ты беседовал один...» (2001) // Звезда. 2003).

Тем не менее само использование глоссы «давно()прошедшее», как мы уже неоднократно видели выше, не исключает именно трактовки неактуальности и анахроничности:

- (56) Так написать об истории мог лишь человек, живущий в середине века XX-го и прекрасно понимающий, что массовидность тоталитарных режимов этого века — не настоящее, а плюсквамперфект, давно прошедшее, и нет за этим не только будущего, но и права на реинтерпретацию (Н. Полтавцева. «Исторична ли история?» // Знамя. 1997).

Отметим в этом разделе, что наряду с «высоколобыми» эссе и прозой, слово *плюсквамперфект* уже осваивает даже ориентированный на массо-

вого читателя детектив. В данных примерах оно выступает в форме с -ум, с канонизированным в советский период комментарием-гlossированием при помощи слова «давнопрошедший» и одновременной метафорикой неактуального прошедшего. Ср. также пример из детектива Е. Козыревой «Дамская охота» (39).

- (57) Саша Маневич шел-шагал по Москве, по проспекту, название которого для приезжего с берегов Невы звучит как «плюсквамперфектум», как знак из давно прошедшего времени. Он шел по Ленинградскому проспекту и втихую завидовал жителям столицы (М. Баконина. Школа двойников. 2000).
- (58) — Савин стратег, каких мало, — вступился, хоть и понимал, что безнадежно, Забелин. — Никто так рынок не промаркетит. Умник редкий. — Именно что. А мне умники не нужны, я сам умник. Мне умницы требуются. И неожиданно закончил: — Как ты. — Я-то теперь плюсквамперфектум — давно прошедшее время (С. Данилюк. Рублевая зона. 2004).

5. «Пространство сказки»: ирреальность

Интересна трактовка плюсквамперфекта в рамках понятийного аппарата «возможных миров», широко используемого в лингвистике для объяснения ирреальных употреблений плюсквамперфекта типа *If I had come, I would see that* [Dahl 1997; Плунгян 2004], применительно к русскому языку (наследующая плюсквамперфекту конструкция с частицей *было*) механизм «возможных миров» использован, например, в работе [Kagan 2011]. В следующем примере за такую трактовку ответственен сам автор рецензируемого произведения — Юрий Малецкий; сам же рецензент Гаврилов прибавил к ней лишь каламбурное обыгрывание внешней формы слова *плюсквамперфект* (см. выше, раздел 1).

- (59) В другом месте романа сказано о вероятности существования сказочных драконов: «Мы имеем дело с областью прошлого, а в “прошлом”, в отличие от “настоящего”, все бывает на правах равно возможного». Одно слово, «плюсквамперфект» (этим грамматическим термином поименованы все главки про Акопа, его фабрику и Владиков) (А. Гаврилов, рец.: Ю. Малецкий. Проза поэта. // Новый мир. 2000. № 1).

В нижеследующих примерах плюсквамперфект ассоциируется с «пространством сказки», «игрой воображения», что можно соотнести с широко представленной в языках мира тенденцией развития у плюсквамперфекта ирреальных, пересказывательных значений. Характерно использование в соответствующих контекстах глаголов *перенести*, *перевести*:

- (60) Но игры Анны Андреевны — иные: Нет, ни в шахматы, ни в теннис,/ То, во что с тобой играют,/ Называют по-другому,/ Если нужно называть... Перевести эти игры в плюсквамперфект, приписать их игре воображения не удастся (А. Кушнер. // Новый мир. 2000. № 2).
- (61) Еще в 1920-е Бунин перенес эту реальную Россию в пространство сказки, используя плюсквамперфект (рассказ «Косцы») (Е. Пономарёв // Вопросы литературы. 2004).

Вспомним, что «светлый плюсквамперфектум» и «мир сладких мечтаний» для характеристики ностальгического творчества Бунина — почти общее место (29), (33), здесь автор делает следующий шаг и превращает эту картину в «сказочную». Ирреальный оттенок имеет «плюсквамперфектум» (снова с глаголом *перевести!*) и в письме Михаила Булгакова правительству, когда он говорит о невозможности «стать сатириком нашей эпохи» в СССР (17).

6. «Давайте-ка споём о самом главном»: лирическое отступление

Особняком среди изученных нами примеров в разных отношениях стоит первое употребление нашего термина в стихах — до 2000-х годов другие стихотворные примеры нам неизвестны. Автор этого текста — почти не печатавшийся при жизни поэт Георгий Оболдуев, успевший получить «старое» филологическое образование; его поэма «Я видел» (примерная датировка — 1941—1952) входит в поэтический подкорпус НКРЯ (на нее указал нам И. А. Ахметьев):

(62) И вот теперь, когда
 В восьмом заезде
 Восходит череда
 Моих созвездий,
 Опять ввожу с эффектом
 (Ну, и напорист!)
 Чуть не plusquamperfectum
 В quasi аорист?

Смысл этого неожиданного употребления сразу двух грамматических терминов («парадигматический контекст», см. выше) становится ясен только при обращении к произведению в целом. Поэма Оболдуева, как и многие более известные произведения этого жанра, представляет собой эпический рассказ о событиях из жизни персонажей, перемежаемый лирическими отступлениями. Данное отступление находится в начале восьмой главы («восьмого заезда»): «Привычным нам стихом, // пусть своенравным, // давайте-ка споём // о самом главном...», после окончания отступ-

ления автор вновь обращается к судьбам своих героев. Таким образом, «плюсквамперфект» здесь выступает как символ дискурсивной функции отхода от основной линии повествования, от классического нарратива, выражением которого (например, в древнегреческом или старославянском) является именно аорист. Именно такая функция («дигрессия») характерна для плюсквамперфекта типологически (ср. [Плунгян 2004] и указанную там литературу).

7. Выводы

Мы проследили историю употребления слова *плюсквамперфект(ум)* в нелингвистических русских текстах XIX века — от легко расшифровываемого читателем термина гимназической латыни через советский период трудного повторного освоения этого образа к современному периоду, когда *плюсквамперфект*, почти утративший конечное *-ум*, беспрецедентно часто встречается в публицистике, художественной литературе, коммуникации в Интернете, причём уже выработались и воспроизводятся определённые формулы и штампы, сопровождающие это слово от автора к автору (вводное цитирование учебника; обыгрывание внешней формы; глоссирование при помощи слова *давнопрошедшее*; *как говорят немцы*; *это для него (здесь) плюсквамперфект*; *перенести/перевести в плюсквамперфект*; *дела давно минувших дней*; применение данного слова к творчеству Бунина и т. п.).

Значения и коннотации, в которых употребляется слово *плюсквамперфект*, демонстрируют нетривиальные схождения с данными грамматической типологии. Они представляют большой интерес как материал для исследования механизмов метафоризации и прагматического осмысления грамматических категорий — как у наивных носителей языков мира, где плюсквамперфект есть, так и у весьма искушённых литераторов, носителей русского языка, где плюсквамперфекта нет. Изученный нами материал, где преобладают интерпретации, связанные с «замкнутыми временными интервалами», как представляется, может служить аргументом в пользу защищаемой Б. Комри [Comrie 1985] и С. Г. Татевосовым [Майсак, Татевосов 2001] точке зрения, согласно которой значения плюсквамперфекта имеют «имплицатурную» природу. С их точки зрения, типологически устойчивая полисемия плюсквамперфекта может быть связана с прагматической имплицатурой, вытекающей из некоторого изначального значения (может быть, именно «давнего прошедшего»). Вместе с тем такая имплицатура, по-видимому, в принципе не может «предсказывать» весь представленный в языках мира ряд частных значений плюсквамперфекта, вроде семантики ирреального условия или вежливой просьбы (хотя и «предсказывает» ирреальность как таковую). Схождения между этими механизмами напоминают, что в каких-то отношениях *minds think alike* — вовсе не обязательно *great minds*.

Л и т е р а т у р а

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. М., 1948—1965.
БАРС — Большой академический словарь русского языка. СПб., 2004—
Евгеньева 1951 — А. П. Е в г е н ь е в а. Сочетание «жили-были» в сказочном зачине // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Сб. статей. Л., 1951. С. 165—174.
Крысько 2011 — В. Б. К р ы с ь к о. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М., 2011. С. 798—837.
Кураш 2012 — С. Б. К у р а ш. Фрагмент корпусного исследования концепта «метафора»: метафора и её антиподы // Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина. Вып. 2. Гомель, 2012. С. 63—67.
Лавров 2012 — А. В. Л а в р о в. С. Заяицкий — корреспондент Максимилиана Волошина // Toronto Slavic Quarterly. № 40. P. 182—205.
Майсак, Татевосов 2001 — Т. А. М а й с а к, С. Г. Т а т е в о с о в. Ядерные формы глагольной парадигмы // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001. С. 345—366.
Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.
Плунгян 2004 — В. А. П л у н г я н. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 273—291.
Сичинава 2004 — Д. В. С и ч и н а в а. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики, 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292—312.
Сичинава 2007 — Д. В. С и ч и н а в а. Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков: Материалы круглого стола, М., 2007. С. 102—130.
Сичинава 2009 — Д. В. С и ч и н а в а. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с было по корпусным данным // К. Л. Киселёва и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 362—396.
СУМ — Словник української мови: в 11 т. Т. 6. Киев, 1975.
Харченко 1989 — В. К. Х а р ч е н к о. Переносные значения слова. Воронеж, 1989.
Цявловская 1958 — Т. Г. Ц я в л о в с к а я. Дневник А. А. Олениной // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2: С. 247—292.
Черных 1993 — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1993.
Barentsen 1986 — A. A. B a r e n t s e n. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics. Amsterdam, Vol. 8. 1986. P. 1—68.
Comrie 1985 — B. C o m r i e. Tense. Cambridge, 1985.
Dahl 1985 — Ö. D a h l. Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.
Dahl 1997 — Ö. D a h l. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). On Conditionals Again. Amsterdam, 1997. P. 97—114.

- Kagan 2011 — O. Kagan. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // *Linguistics and Philosophy*/ 2011. Vol. 34. P. 57—84.
- Plungian, Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* — Language typology and universals. Vol. 59 (2006). 4. P. 317—349.
- Reichenbach 1947 — H. Reichenbach. *Elements of Symbolic Logic*, N.Y., 1947.
- Squartini 1999 — M. Squartini. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology*. 3. 1999. P. 51—89.

References

- Barentsen 1986 — A. A. Barentsen. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*. Amsterdam, Vol. 8. 1986. P. 1—68.
- BARS — Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka. St-Peterburg, 2004—.
- BAS — Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moskva, 1948—1965.
- Chernykh 1993 — P. Ya. Chernykh. *Istoriko-etimologicheskii slovar russkogo yazyka*. Moskva, 1993.
- Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge, 1985.
- Cyavlovskaya 1958 — T. G. Cyavlovskaya. *Dnevnik A. A. Oleninoy // Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Moskva; Leningrad, 1958. T. 2: S. 247—292.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford, 1985.
- Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam, 1997. P. 97—114.
- Evgenyeva 1951 — A. P. Evgenyeva. Sochetaniye «zhili-byli» v skazochnom zachine // *Pamyati akademika Lva Vladimirovicha Shcherby (1880—1944)*. Sb. statey. Leningrad, 1951. S. 165—174.
- Kagan 2011 — O. Kagan. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // *Linguistics and Philosophy*/ 2011. Vol. 34. P. 57—84.
- Kharchenko 1989 — V. K. Kharchenko. *Perenosnyye znacheniya slova*. Voronezh, 1989.
- Krysko 2011 — V. B. Krysko. Morfologicheskiye osobennosti zhitiynoy chasti Sofiyskogo prologa // *Slavyano-russkiiy Prolog po drevneyshim spiskam. Sinaksar (zhitiynaya chast Prologa kratkoy redakcii) za sentyabr-fevral. T. II: Ukazateli. Issledovaniya*. Moskva, 2011. S. 798—837.
- Kurash 2012 — S. B. Kurash. Fragment korpusnogo issledovaniya koncepta «metafora»: metafora i yeye antipody // *Kompyuternaya lingvistika: nauchnoye napravleniye i uchebnaya disciplina. Vyp. 2*. Gomel, 2012. S. 63—67.
- Lavrov 2012 — A. V. Lavrov. S. Zayaickiy — korrespondent Maksimiliana Voloshina // *Toronto Slavic Quarterly*. № 40. P. 182—205.
- Maysak, Tatevosov 2001 — T. A. Maysak, S. G. Tatevosov. Yadernyye formy glagolnoy paradigmy // A. Ye. Kibrik (red.-sost.). *Bagvalinskiy yazyk. Grammatika. Teksty. Slovare*. Moskva, 2001. S. 345—366.
- Petrukhin, Sitchinava 2006 — P. V. Petrukhin, D. V. Sitchinava. «Russkiy plyuskvamperfekt» v tipologicheskoy perspektive // *Verenica liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova*. Moskva, 2006. S. 193—214.

Plungian, Auwera 2006 — V. A. P l u n g i a n, J. van der A u w e r a. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung — Language typology and universals. Vol. 59 (2006). 4. P. 317—349.

Plungian 2004 — V. A. P l u n g i a n. O kontrafakticheskikh upotrebleniyakh pluskvamperfekta // Issledovaniya po teorii grammatiki, 3: Irrealis i irrealnost. Moskva, 2004. S. 273—291.

Reichenbach 1947 — H. R e i c h e n b a c h. Elements of Symbolic Logic, N. Y., 1947.

Sichinava 2004 — D. V. S i t c h i n a v a. K probleme proiskhozhdeniya slavyanskogo uslovnogo nakloneniya // Issledovaniya po teorii grammatiki, 3. Irrealis i irrealnost. Moskva, 2004. S. 292—312.

Sichinava 2007 — D. V. S i t c h i n a v a. Dva areala sverkhshlozhnykh form v Evrazii: slavyanskiy pluskvamperfekt mezhdru Zapadom i Vostokom // Arealnoye i geneticheskoye v strukture slavyanskikh yazykov: Materialy kruglogo stola, Moskva, 2007. S. 102—130.

Sichinava 2009 — D. V. S i t c h i n a v a. Stremitsya presekati na kornyu: russkaya konstrukciya s bylo po korpusnym dannym // K. L. K i s e l e v a i dr. (red.) Korpusnyye issledovaniya po russkoy grammatike. Moskva, 2009. S. 362—396.

Squartini 1999 — M. S q u a r t i n i. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // Linguistic Typology. 3. 1999. P. 51—89.

SUM — Slovník ukraínskoi movi: v 11 t. T. 6. Kiev, 1975.

Резюме

В статье анализируются метафорические употребления русского слова *плюсквамперфект(ум)* в нелингвистическом контексте, в основном в художественной литературе и публицистике XX—XXI вв. Показана близость ассоциаций, возникающих при осмыслении этого термина нелингвистами, с типологическими данными о семантике плюсквамперфекта в языках мира.

Ключевые слова: плюсквамперфект, терминология, метафора, грамматическая семантика.

Статья получена 19.06.2013

DMITRI V. SITCHINAVA

«ALAS, ALL THIS IS JUST PLUPERFECT FOR THEM»: A LINGUISTIC TERM AS A LANGUAGE METAPHOR

The paper presents metaphorical uses of the Russian word *pluskvamperfekt(um)* ‘Pluperfect’ as an image of literature and journalism during different periods. It is shown that the semantic associations of this word in non-linguistic contexts are strikingly close to the typology of the pluperfect semantics in the languages of the world.

Keywords: pluperfect, linguistic terms, metaphor, grammar semantics.

Received on 19.06.2013